

О. А. Теуш (Екатеринбург, Россия)

Финская географическая терминология в топонимии Русского Севера

Одним из самых испытанных и результативных приемов этимологизации субстратной топонимии является сопоставление ее с географической терминологией тех существующих ныне языков, которые наиболее близки к предполагаемому для субстратных наименований источнику. Немалую роль при этом играет и поиск параллелей в апеллятивной диалектной лексике, которые дают возможность «компенсировать» объективную неполноту ономастических данных (МАТВЕЕВ 1973: 332), дополняя их убедительной семантической базой.

В топонимии и лексике Русского Севера продуктивен для такого рода сопоставлений и поисков прежде всего прибалтийско-финский языковой материал, характеризующий сопредельные исследуемому региону территории. В апеллятивной лексике архангельских и вологодских говоров зафиксировано несколько десятков географических терминов, заимствованных из прибалтийско-финских языков. Большинство из них бытует и в топонимии региона, причем, как правило, топонимическая география термина несколько шире, чем его распространение в лексике. К примеру, апеллятив *káска* ‘пастбище в лесу’ (~ кар., ливв. *kaski* ‘подсека; пожар’, люд. *kask, kašk* ‘подсека (до выжига)’, вепс. *kašk* ‘подсека’) известен только в пинежских говорах, в то время как топоним **Каска** имеет значительно более широкий ареал (Вель., В-Т., Карг., К-Г., Он., Пин., Плес., Холм., Шенк.).

Целостный анализ бытования прибалтийско-финской географической терминологии в лексике и топонимии Русского Севера — задача масштабного исследования и не является целью данной статьи. Здесь мы рассмотрим те заимствованные из прибалтийско-финских языков географические термины, которые зафиксированы только в топонимии, причем в самостоятельном топонимическом употреблении (а не в качестве основы или форманта сложного топонима), либо отмечены также и в лексике, но имеют достаточно узкое распространение. Нами исключены топонимы и апеллятивы общесеверного распространения (такие, как *ка́ра, пухта, та́йбола, у́йта, ша́лга* и др.), практически не привлекались гидронимы, поскольку номинация рек имеет специфические в сравнении с названием других объектов особенности. Источником русских материалов, использованных нами, являются лексическая и топонимическая картотеки ТЭ Уральского госуниверситета, содержа-

щие записи, сделанные на территории Архангельской и Вологодской областей.

Аланга, пок. (Он.), **Оланга**, пок. (Выт) ~ кар. *alango* ‘лощина, долина; сырой отлогий естественный луг на берегу озера или реки’, вепс. *alang* ‘низина’, фин. *alanko* ‘то же’ (ММ 20–21). В силу того, что оба русских топонима номинируют только покосы, а другие объекты с тем же названием не засвидетельствованы, соотнесение их с данным прибалтийско-финским географическим термином более предпочтительно, чем рассмотрение в ряду гидронимов, имеющих формант *-Vн(ь)га*. Передача начального прибалтийско-финского *a* русским *o* не единственный факт, а засвидетельствована и в других примерах, ср. рус. *ольга* ‘болото’ < кар., фин. *alho* ‘низина’ (КАЛИМА 175–176).

***Алона** (< **Алонский**, руч.) (Он.) ~ фин. *alanne* ‘низина, низменность’, кар. *alanneh* ‘место, окруженное болотом; небольшое озеро в окружении двух рек или в окружении болот’ (ММ 21). Реконструкция не бесспорна: название ручья могло быть образовано на русской почве и от термина ***алонга**, который сопоставляется уже с кар. *alango*, вепс. *alang*, фин. *alanko* (см. выше).

Вайма, тоня (Выт.) ~ фин. *vajoama* ‘впадина, яма; провал; осадка, оседание (почвы)’ (ФРС 693). Модель ‘яма’ > ‘тоня’ достаточно частотна (см. ниже **Гавда**).

Ваны, пок. (Холм.), **Верхние Ваны**, пок., **Нижние Ваны**, пок., **Слободские Ваны**, пок. (Холм.). В апеллятивной лексике *vána* ‘озерко в русле реки, ручья’, ‘заливной луг’ (Холм.) ~ кар. *vana* ‘глубокое русло реки; полынья’, ливв. *vana* ‘полынья; низина, заросшая травой’, люд. *vana* ‘полынья; (длинная узкая) щель’, вепс. *van* ‘ложбина, овраг’, фин. *vana* ‘след, борозда; русло реки; полынья’ (ММ 100).

Варага, поле (Холм., Шенк.), **Вараги**, пок. (Кон.), **Варака**, гора (Он.), поле (Шенк.), **Вараки**, горы (Он., Плес.), пок. (Плес., Тот.). В апеллятивной лексике термин *váрак*, *váрака* в значении ‘гора, холм, крутой берег’ фиксируется СТЭ только в Онежском районе Архангельской области ~ фин. *vaara* ‘гора, сопка с отлогими склонами, поросшими лесом’, кар. *vuara*, *voara*, ливв. *vaara* ‘гора, покрытая лесом’ (ММ 102). Финаль *-ага/-ака*, регулярно присутствующая в русской лексеме, могла возникнуть как на русской почве (суффикс *-ак*), так и в языке-источнике, что более вероятно (суффикс *-kka* [ГФЯ 237]). Объектная отнесенность топонима и семантика апеллятива, положенного в основу названия (‘гора’), совпадает только для двух топонимов. В остальных случаях географический термин имеет дифференцирующую функцию, выделяя из ряда подобных объектов (покосов, полей) тот, что распо-

жен на горе. При анализе перечисленных топонимов и русских апеллятивов необходимо иметь в виду также саамские данные (*várri*, *vārr^e* ‘лес; гора, сопка’ [ММ 102]), которые в равной степени могли послужить источником заимствования.

Варза, пок. (Сок.), р., поле, бол. (В-Т.) ~ ливв. *varzi* ‘край, место вдоль чего-л.’ (Макаров СКЯ 41), фин. *varsi* ‘край’ (ФРС 713). Географическое значение является метафорическим, ср. ливв. *varzi* ‘рукоятка, черенок’ (СКЯ 41), фин. *varsi* ‘стебель; ручка, рукоятка, рукоять’ (ФРС 713).

Вуда, ур. (Он., Шенк.), **Виды**, поле (Выт.), **Витика**, руч., ур. (Он.), **Видога**, поле, пок. (Вашк.), **Видоги**, лес, бол. (Карг.) ~ кар. *viita*, *viida* ‘густой ельник на сухом месте; высокий сосняк или березняк’, ливв. *viida*, *viidu* ‘мелкий густой ельник; чаша’, *viidakko* ‘заросли кустарника, мелкого ельника’, люд. *viid* ‘частый мелкий ельник’, *viidak*, *viidik*, *viidikkö* ‘молодой низкорослый хвойный (иногда смешанный) лес’, вепс. *vida* ‘еловая чаша, молодой ельник’, фин. *viita* ‘роща’, *viidakko* ‘заросли кустарника, чаша’ (ММ 100–101). Топонимом **Вуда** в Онежском районе, по наблюдениям автора статьи, действительно называются место с частым еловым лесом и покос, расположенный в этом лесу. В Вашкинском районе **Видога** — это место, расчищенное в лесу под поле и покос. **Витика**, как обозначение ручья в Вашкинском районе, демонстрирует достаточно часто встречающуюся метонимию: название урочища > название ручья, протекающего по этому урочищу. Русские топонимы восходят к различным прибалтийско-финским лексемам: для формы **Витика** ближе финские и карельские данные, для остальных форм — карельские и вепсские. Кроме того, топонимы **Витика**, **Видога**, **Видоги**, судя по финали, отражают прибалтийско-финские собирательные существительные с суффиксами *-k/-kko/-kkö*.

Гавда (Хавда), тоня, пок. (Выт.), **Гавды**, две тони, ур. (Выт.) ~ кар. *hauta*, *hauda* ‘яма, углубление’, ливв. *hauda*, *haudu*, люд. *haud* ‘яма; могила; погреб’, вепс. *haud* ‘яма’ (ММ 28). Семантическая возможность обозначения тони — участка водоема, оборудованного для ловли рыбы неводом — с помощью термина со значением ‘яма’ не вызывает сомнений. По-видимому, названия находящихся рядом с тоней урочища и покоса вторичны. Передача прибалтийско-финского *h* русскими *г*, *х* для данной территории является обычной (Матвеев 1975: 288–289).

Гожими (Гожоми), лес (Бел.), **Загомезь (Загомезье)**, пок., лес (Котл.). Приведенные топонимы могут быть сопоставлены с вепс. *hošteh* ‘поле (в лесу), засеянное злаками; пожог, подсека; поляна’ (ММ 26). Это слово послужило источником распространенного в русских говорах Каре-

лии апеллятива *зумежи* ‘поле, пашня’ (КАЛИМА 94–95). Для белозерских топонимов можно предполагать метатезу в первоначальном **Гомижги*, отражающем иную передачу вепс. *oi*. Топонимы *Загомезь* (*Загомезье*) позволяют восстановить форму **Гомезь*, финаль которой может быть сопоставлена с вепс. *haimez* ‘поле (в лесу), засеянное злаками; пожог, подсека; поляна’ (ММ 26).

Гольмы, пок. (Лен.) ~ кар. *holmi* ‘пролив, защищенная гавань’ (ММ 30). Рядом с покосом *Гольмы*, по данным картотеки ТЭ, находится оз. *Гольминское*, поэтому восстановление семантики топонима как ‘проливы’ не встречает препятствий ввиду близости водного объекта. Сомнения в другом: Ленский район, где фиксируется топоним, расположен в самой восточной части Архангельской области, наиболее удаленной от карельской территории, в то время как соответствие прибалтийско-финского *h* русскому *г* характерно для западных районов (МАТВЕЕВ 1975: 288–289).

Кайба, руч. (Вашк.) ~ кар., ливв. *kaivo* ‘родник; яма’ (ММ 35). Передача карельского *v* русским *б* достаточно часто встречается в топонимии юго-западной части Русского Севера. С точки зрения объектной отнесенности, по-видимому, топоним называет ручей, берущий начало из родника.

Камары, бол. (Плес.) ~ ливв. *katari* ‘местность, край’ (СКЯ 122), фин. *katara* ‘кора, поверхность земли’ (ФРС 192). Параллельное название бол. *Камары* – *Шомуша*, которое, возможно, является калькой (если иметь в виду значение ‘край’), ср. русск. диал. *шумуша* ‘край болота’ (Шенк.), восходящее к вепс. *sout* ‘угол дома (внутренний и внешний)’ (СВЯ 500).

Кевка (*Кевки*), поле на высоком берегу р. Онега (Он.), *Кевка*, холм, пок. на этом холме (Нянд.) ~ кар. *keikkä*, ливв. *keikkü* ‘небольшой холм, пригорок’ (ММ 37). Передача прибалтийско-финского *i* русским *в* неудивительна при наличии в севернорусских говорах взаимоперехода *в/й/у*.

Кеды, д., ур., тоня (Прим.), *Кады*, пок. (Лен.), *Большая Када* и *Малая Када*, пок. (Леш.), *Верхняя Када* и *Нижняя Када*, части деревни (Леш.) ~ кар. *keto*, *kedo*, ливв., люд. *kedo*, фин. *keto* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’ (ММ 38). Источником топонимов *Када*, *Кады*, видимо, является один из вымерших языков Заволочья, на что указывает передача прибалтийско-финского *e* русским *а* (об этом см. подробнее [МАТВЕЕВ 1968]). Объектная отнесенность и семантика прибалтийско-финского апеллятива не противоречат друг другу. Возможно, сюда же относятся топоним *Кадок*, пок. и апеллятив *кадак*, *кадук* ‘покос в лесу’,

зафиксированные в Вашкинском районе Вологодской области, где суффикс *-ак/-ок/-ук* является, вероятно, результатом русской словообразовательной адаптации.

Кезанки, поле (Вашк.) ~ кар., ливв. *kezando, kezändö*, люд. *kezand(o), kezänd(o)*, вепс. *kezand* ‘пар (в севообороте), поле под паром’, фин. *kesanto* ‘поле под паром, незасеянное поле’ (ММ 38). Изменение финали слова (*-nd-* > *-нк-*) объясняется переработкой непривычного для русского языка конца слова по аналогии с широко распространенным суффиксом *-анк-*.

Кенда, ур. на берегу Онежского озера (Выт.), **Кендево**, поле (Он.), **Кендище (Кеньдище)** полоса леса на берегу моря, поле (Он.). В апеллятивной лексике *кйнда* ‘каменистая гряда или песчаная возвышенность на берегу озера, поросшая лесом’ (Выт.) ~ кар. *kenttä, kentti* ‘лужайка на ровном сухом месте; песчаное место на берегу реки’, *kenttä* ‘неплодородный участок земли; ягельник’, ливв. *kentti* ‘сухая ровная лужайка или песчаное место на берегу реки’, вепс. *kend* ‘берег реки или озера, край болота’, фин. *kentä, kenttä* ‘бывшее поле, лужайка на ровном месте’ (ММ 38). Зафиксированные в Онежском районе топонимы представляют собой результат русской словообразовательной адаптации (суффиксы *-ев-, -иц-*).

Кивика, д. (Кон.), **Кивицкие**, мысы (Бел.) ~ кар., ливв., люд. *kivikkö*, фин. *kivikko* ‘каменистое место’ (ММ 39–40). Предложенную этимологию подтверждает то, что у деревни **Кивика** на р. Светица находится порог **Камешник**, название которого, по-видимому, является метонимической калькой прибалтийско-финского топонима.

Кита, поле (Вин.), **Китаха**, луг (Вель.) ~ кар. *kütö* ‘подсека или пашня на болотистом месте’, фин. *kütö* ‘пожог, выжженное под пашню болотистое место’ (ММ 48). О передаче прибалтийско-финского *i* русским *и* см. (МАТВЕЕВ 2000: 138). Суффикс *-ах-* в **Китаха** — результат русской словообразовательной адаптации.

Колка, бол. (Жир.), пок., поле (Плес.), **Колки**, пок. (Карг.), **Колкас (Колкаса, Колкасы)**, лес (В-Т.) ~ фин. *kolka, kolkaus* ‘угол, уголок; край, окраина’ (ФРС 249).

Конда, д. (Нянд.) ~ кар. *kontu, kondu*, ливв. *kondu*, люд. *kond, kondu* ‘крестьянский двор; хозяйство; земельный участок’, фин. *kontu, konto* ‘дом, двор, хозяйство; надел земли’ (ММ 40). Согласно спискам населенных мест, прежнее название деревни — **Конды**, т.е. буквально ‘дворы’.

Корва, пок. (Прим.) ~ фин. *korva* 'край', 'место вдоль чего-либо', карел. *korva* 'край, конец, предел' (SKES 221).

Кохта, пок. (Плес.) ~ кар. *kohta* 'место; край, местность', ливв. *kohta*, *kohtu*, люд. *koht*, *kohte*, *kohtu*, вепс. *koht* 'место (особенно расположенное напротив), противоположная сторона, противоположный берег' (ММ 40). Этимологию подтверждают экстралингвистические данные: пок. **Кохта** находится на правом берегу р. Шорда, напротив д. Великий Наволок.

Кукой, гора (Баб., Выт.), **Куколь**, гора (Плес.), **Кукора**, гора (Вашк.), поле (К-Г.) ~ кар. *kukkula*, *kukkura*, *kukkuri*, ливв. *kukkuri* 'крутая гора; холм; вершина горы или сопки', фин. *kukku* 'коническая верхушка', *kukkula*, *kukkelo*, *kukkura* 'вершина (гора)' (ММ 45). Несмотря на то, что основа **Кук-** обнаруживает множество вариантов для интерпретации (МАТВЕЕВ 1977: 165–167), объектная отнесенность перечисленных русских топонимов заставляет думать о предложенной версии как наиболее убедительной.

Куя, д. (Баб., Прим.), **Куюшка**, ур. (Устюж.), **Куяк**, поле (Вашк.) ~ кар. *kuja*, *kujo*, ливв., люд., вепс. *kujo* 'прогон между изгородами, проулок', фин. *kuja* 'прогон, проулок' (ММ 44). Форма **Куюшка** — уменьшительное образование на русской почве. В топониме **Куяк** финальное *-к* отражает, скорее всего, прибалтийско-финский собирательный суффикс.

Ладва, оз., луг (Он.), д. (Баб.), **Ладба**, р., пок., оз. (Он.) ~ кар. *latva*, *ladva*, ливв. *ladvu*, люд. *ladv*, *ladve*, *ladvu*, фин. *latva* 'верховье; исток реки, ручья' (ММ 53).

Лама, поле, пок. (В-Т.), **Лама**, пок. (Холм.), **Лама**, поле (Шенк) ~ кар., ливв. *laama* 'заводь в устье реки, где движение воды еще скрыто', фин. *laami*, *laami* 'пруд, лужа' (ММ 49). Расхождение в семантике прибалтийско-финского апеллятива и объектной отнесенности топонимов указывает на то, что способом номинации в данном случае, очевидно, была метонимия. Вместе с тем, перечисленные топонимы могут иметь и иной этимон: вепс. *lamad* 'вырубка, делянка' (СВЯ 273), которое само, вероятно, заимствовано из русского (< *лом*, *лома* ?).

Летка (Летко), о. на озере Лозское (Бел.) ~ кар., ливв., люд. *liete*, вепс. *lete* 'песок; низкий песчаный берег' (ММ 54). Уменьшительный суффикс *-к-* возник, вероятно, уже на русской почве. Источник топонима можно усмотреть также в фин. *letto* 'близко к берегу расположенный скалистый островок; риф; мель' (ММ 54), которое ближе семантически, однако территория, где зафиксирован топоним, указывает, скорее, на вепское происхождение.

Лиги, пок., бол., лес (Баб.) ~ ливв. *liga* 'грязь' (СКЯ 185), фин. *lika* 'грязь, слякоть' (ФРС 329). В апеллятивной лексике лексема *лига* имеет значения 'лужа, яма с водой', 'заводь', 'сырое место в лесу' (Баб.). Значение географического термина могло развиваться как в языке-источнике, так и в русских диалектах, по крайней мере в русском языке слово употребляется только в географическом значении и в топонимии безусловно производно от географического термина, на что указывает форма множественного числа.

Лодьма, р. (Прим.) ~ кар. *lotma, lodma*, ливв. *lodmi, lodma*, люд. *lodm, lodmo* 'низина, долина, ложбина; низкое место между гор, возвышенностями', фин. *lotma, lotmo* 'ложбина, долина' (ММ 55). Термин со значением 'низина, долина, ложбина' в номинации рек встречается и в других топонимах, ср. ниже **Нотка, Ура**.

Малдан (Малдань, Малдынь), оз., ур. (Он.) ~ кар. *malto, maldo*, ливв. *maldo* 'место с медленным течением в реке, плес; подветренный берег', люд. *mald, maldo* 'плес, заводь' (ММ 58). Финаль *-ан/-ань* отражает, видимо, окончание карельского генитива. Это позволяет предположить, что перед нами, скорее всего, подвергшийся эллипсису сложный топоним, а не географический термин в самостоятельном употреблении, ср. в карельской топонимии порог *Maldinkoski*, руч. *Maldinoja* (ММ 58).

Матка, р. (Вель.), **Малая Матка** и **Большая Матка**, р. (Кон.), **Матка**, пок. (Кон.), **Матки**, пок. (Холм.), **Заматка**, пок. (В-Т.), **Подматки**, пок. (Карг.) ~ кар. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk, matku*, вепс. *matk*, фин. *matka* 'путь, дорога; расстояние' (ММ 59). В апеллятивной лексике в Белозерском районе Вологодской области зафиксировано *мутка* 'перешеек между островом и землей', которое, судя по семантике и гласному первого слога, восходит к родственному прибалтийско-финским словам саамскому *muotki* 'перешеек, дорога' (ММ 59).

Метусы, пож. (Прим.) ~ кар. *mätäs*, ливв. *mätäs, mätäz* 'кочка, бугор', люд. *mät(t)äz, mät'äs* 'кочка; куст', вепс. *mät(t)äz, mätäz* 'кочка; холм, горка', фин. *mätäs* 'кочка' (ММ 62). Во внутренней форме топонима может быть представлено как исходное значение 'кочки', так и значение 'бугры, горки'.

Мечаек, лес (Лен.), **Худой Меч**, пож. (Лен.), **Мечка**, д., протока, ур. (Прим.) ~ кар. *meččä*, ливв. *mečči, meččö*, люд. *mečč, mečče*, вепс. *tes* 'лес', кар., ливв. *mečikkö*, люд. *meččik, meččiko* 'лес, прелесок' (ММ 59).

Нёвы, пож. (Леш.), **Небово**, бол. (Вашк.) ~ кар. *neva* 'водоем', ливв. *neva* 'водоем, река; топь, трящина', фин. *neva* 'открытое, обычно безлесное болото; болотистое место' (ММ 63). Название бол. **Небово** ос-

ложнено русским суффиксом *-ов-* и отражает передачу прибалтийско-финского *v* русским *б*. Вокализм первого слога топонима *Нёвы* связан с переходом *e > 'o* под ударением, типичным для севернорусских говоров.

Нема, пок. на берегу р. Немнюга (Мез.), поле (Прим.), хутор на правом берегу р. Мехреньга (Плес.), *Немы*, бол., поле (Баб.), *Верхние Немы* и *Нижние Немы*, пок. на правом берегу р. Мезень (Мез.) ~ кар., ливв. *niemi*, люд. *niem*, *niemi*, вепс. *nem'*, фин. *niemi* 'мыс, полуостров' (ММ 63). Этимология подтверждается тем, что большинство перечисленных объектов расположено на мысах по берегам рек.

Нива (Нивка), уч. р. Светица (Кон.), рукав р. Северная Двина (Вин.) ~ кар., фин. *niva* 'стремнина, место с быстрым течением в реке' (ММ 65). Семантика прибалтийско-финского апеллятива в значительной степени совпадает с объектной отнесенностью топонимов, что подтверждает данную этимологию. На русской почве топонимы подверглись адаптации (суффикс *-к-*).

Нитушки, пож. (Выт.) ~ кар. *niittu*, *niittü* 'покос, луг', *niitoš* 'выкошенное место', ливв. *niittu*, *niittü*, люд. *niitti*, *niit*, *niitt*, вепс. *nit*, *niit*, *nit'* 'луг, покос', фин. *niitty* 'луг' (ММ 64). В русском языке представлена производная уменьшительная форма с суффиксом *-ушк-*, если связывать топоним с *niittu*, *niittü* и др., или с суффиксом *-к-*, если принимать во внимание кар. *niitoš*.

Нотка, р. (Выт.) ~ кар., ливв., фин. *notko*, вепс. *notk* 'ложбина, низина' (ММ 66).

Нурма, д. р. (Гряз.) ~ кар., ливв. *nurmi* 'луг, лужайка', люд. *nurm*, *nur'm* 'луг, покос', фин. *nurmi* 'лужайка' (ММ 66). Название реки, вероятно, производно от названия деревни.

Олус (Олуз), поле (Мез.) ~ ливв. *alus*, люд. *alust* 'пространство, место, территория', фин. *alus*, *alusta* 'нижняя часть; место под чем-нибудь; основание' (ММ 21). О соответствии прибалтийско-финского *a* русскому *о* см. в (МАТВЕЕВ 1968).

Падры, пок. (Холм.) ~ кар. *patero*, *padura* 'небольшое углубление, яма', фин. *patero* 'углубление, яма', *patelo* 'небольшая низина' (ММ 70). Предложенную этимологию трудно назвать абсолютно достоверной, поскольку то же название может быть проинтерпретировано и на русской почве (архаичная приставка *па-* и корень *-др-* 'драть'), однако возможность прибалтийско-финского источника следует иметь в виду. Вероятность заимствования как способа возникновения данного топонима нельзя исключать еще и потому, что тот же термин с другим кон-

сонантизмом фиксируется в диалектной лексике: *náтровина* ‘сырое, болотистое место’ (Вель.). Форма множественного числа (-ы) – излишнее доказательство того, что в основе топонима лежит географический термин.

Палат (Палата, Палот), лес, поле (Уст.), **Палатас**, д. (Баб.) ~ ливв. *palates* ‘выгоревшее место в лесу; сожженная подсека, пожар’, люд., вепс. *palatez* ‘гарь, горелый лес’ (ММ 69). Официальное название д. **Палатас – Погорелое** — является калькой прибалтийско-финского слова.

Паста, д. (Лен.) ~ ливв. *rawstu* ‘участок леса, отведенный для выруб-ки’ (СКЯ 258).

Полта, поле (Уст.) ~ ливв. *polto* ‘гарь, выгоревшее или выжженное место в лесу’ (Макаров СКЯ 278). Топоним можно сопоставить также с кар. *palte* ‘склон горы, сопки’, ливв. *palte* ‘склон (южный, безлесный); край (подводной скалы, поля, леса)’, люд. *palte* ‘склон, косогор’, фин. *palte* ‘край; (крутой) берег; склон горы; гора’, которые связаны с саам. *buoldda* ‘склон горы’ (ММ 70). В этом случае топоним **Полта** отражает соответствие прибалтийско-финского *a* русскому *o* и заимствован из какого-то вымершего языка (см. подробнее в МАТВЕЕВ 1968) или является саамским по происхождению.

Раза, пок., ур., пережат (Вин.), **Раса**, поле (Мез.), часть д. (Мез.), **Расы**, пок. (Мез.) ~ кар. *rasi, razi* ‘подсека, оставшаяся неспаленной; лес с большим количеством вырубленных или упавших деревьев’, ливв. *razi* ‘вырубленная, но неспаленная подсека’, люд. *razi* ‘подсека, оставшаяся на второй год не спаленной и не очищенной’ (ММ 79).

Раяка, поле, пок. (Выт.), пок. (Вашк.), **Тленья Раяка**, поле (Выт.), **Раяки**, пок. (Выт.), **Рябинов Раек**, ур. (Выт.), **Райка**, лес (Устюж.), **Мишкин Раяк**, лес (Выт.). В русских диалектах *ра́ек, ра́ека, ра́ечка, ра́йка, ра́яга, ра́яка* ‘небольшой молодой лес’ (Выт.) ~ кар., ливв. *rajakko*, люд. *rajakko, rajak*, вепс. *rajak* ‘заброшенная, заросшая лесом лесная подсека’, фин. *rajakko* ‘бывшая подсека, заросшая лиственным лесом’ (ММ 77).

Сарга, д. (Выт.), **Сарго (Сарья)**, ур. (К-Б.), **Сарги (Сарьги)**, пок. (Он.), **Сарьга**, мыс (Шенк.) ~ ливв. *sargu*, вепс. *sarg* ‘полоса (пашни); участок, надел (обрабатываемой земли)’, фин. *sarka* ‘расположенный между канавами участок поля, обычно узкий и вытянутый; поле; надел; несколько полей, образующих одно целое; надел (одного) двора, куда входят и пахотные земли и лесоучастки; земельные участки, разделенные границами и межами; осушенная под пашню часть болота прямоугольной формы, границами которой служат канавы’ (ММ 85). В рус-

ской апеллятивной лексике зафиксировано *sárga* ‘полоса покоса’ (Он.), *sáryga* ‘топкое место на болоте’, ‘островок на болоте’ (Шенк.). Трудно объясним сдвиг в семантике апеллятива *sáryga*. Возможно, он произошел под обратным влиянием топонимических фактов: **Сарьга** в Шенкурском районе описывается информантами как топкое, сырое место.

Сельга, пок., д., гора (Выт.). В апеллятивной лексике *sýlgya* ‘продолговатая возвышенность на болоте, поросшая лесом’, ‘продолговатый остров в озере’, ‘болотистое место в лесу’, ‘высокий берег’ (Выт.) ~ кар. *selgä*, ливв. *selgü*, люд. *selg*, *selg*, *selgü*, вепс. *selg* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’ (ММ 86).

Сельгама, пок. (Выт.), **Большая Сельгама**, пок., **Ванина Сельгама**, пок., **Малая Сельгама**, пок. (Выт.) ~ фин. *selkäntä* ‘кряж, горный хребет’ (ФРС 556).

Сордушки, пок. (Выт.) ~ кар. *sorto*, *sordo*, ливв. *sordo*, люд. *sord*, *sordo*, вепс. *sord* ‘изгородь из валежника, поваленных деревьев; огороженное пастбище, выгон’, фин. *sorto*, *sortto* ‘место, где много поваленных деревьев, бурелом; место лесозаготовок’ (ММ 91). Топоним адаптирован в русском языке с помощью суффикса *-ушк-*.

Сюрга (Сюрьга), гора, дорога вдоль нее (Он.), **Сюрьга**, дорога (Он.), **Сюрьга**, гора (Выт.), **Сюрьги**, лесоучасток (Баб.), **Сурьи**, гора (Баб.) ~ кар. *sürjä*, ливв. *sürjü*, вепс. *sürj* ‘сторона, бок, край, обочина (напр., дороги)’, фин. *surjä* ‘край, бок, сторона; перешеек; возвышенное место, хребет, кряж; пески, дюны’ (ММ 92). А. К. МАТВЕЕВ, учитывая соответствие прибалтийско-финского *i* русскому *ы*, относит к тому же источнику и топонимы **Сырья**, луг (Он.), **Сырья**, н. п. (Он.) (МАТВЕЕВ 1973: 351). В таком случае не является ли связанной с прибалтийско-финскими данными лексема *сырья* ‘покос на низком месте’ (Он.), значение которой могло измениться под действием народной этимологии (ср., русское *сырой*)?

Сярга, д. (Выт.) ~ кар. *särkkä*, ливв. *särkkü*, *särkü*, люд. *särkke* ‘крутой берег (реки); холм, гора, кряж’, *särkkü* ‘песчаная отмель’, фин. *särkkä*, *särkä* ‘продолговатая песчаная гряда, находящаяся под водой или частично над поверхностью воды у берега или в русле реки; нагромождение песка; песчаная отмель; хребет, горная гряда; гора, холм, возвышенность’ (ММ 93).

Тевриха, поле (Кон.) ~ фин. *töyry* ‘бугор, пригорок, холм’ (ФРС 673). На фонетическое освоение топонима оказал влияние распространенный в севернорусских говорах переход *y > ŷ > в* в позиции после гласного перед согласным. Топоним осложнен на русской почве суффиксом *-их-*, частотным в микротопонимии.

Уйка, пок. (Карг.) ~ вепс. *uig* ‘закоулок пожни, вдающийся в лес’ (ММ 97). Глухой консонантизм русского топонима указывает на то, что вепсский язык вряд ли является прямым источником заимствования. С этой точки зрения, ср. фин. *uikata* ‘низина, долина’ (ММ 97).

Употос, пож. (Баб.) ~ кар. *upotes, upotez, upotuz*, ливв. *upotes, upotus, upotuz*, вепс. *upotez* ‘топкое вязкое место’ (ММ 98).

Ура I, р., **Ура II**, р., **Ура III**, р. (Пин.), **Урка**, р. (Пин.), **Вешний Ур**, лесопункт (Пин.) ~ кар., ливв. *ura, uro* ‘борозда, овраг; русло реки; тропа’, ливв. *uro* ‘ложбина’, *urkku* ‘небольшое углубление’, люд. *ura* ‘овраг между скалами’, вепс. *uri* ‘борозда, нора’, фин. *ura* ‘тропа; русло реки; борозда, колея’, а также кар. *uuro* ‘глубокий и узкий овраг, по дну которого течет ручей; низина; глухой лес’, фин. *uuro* ‘узкая и глубокая ложбина; овраг между сопками; русло ручья’, *uura* ‘ложбина, низина’ (ММ 98). Все объекты, называемые русскими топонимами, являются небольшими речками, что очень хорошо соотносится с семантикой этимона. Единственное исключение — название лесопункта **Вешний Ур** метонимично по отношению к водному объекту — логу, заполняющемуся водой во время весеннего половодья, на что указывает эпитет **Вешний**.

Урдома, д. (Котл., Лен.), пос. (К-Б.), **Уртаки**, пок. (Плес.) ~ ливв. *uurdo, uurdain* ‘промоина’, люд. *uurdam* ‘топкая ложбина’, вепс. *urdam* ‘промоина’, фин. *urtti* ‘узкое глубокое русло в пороге; плохая дорога’, а также вепс. *urtik* ‘родник; топкое, вязкое место в лесу; яма с водой в лесу; вязкое дно’ (ММ 98). Для топонима **Урдома** ближе карельско-вепские данные. Название покоса **Уртаки**, скорее всего, по форме и семантике лучше может быть объяснено из вепс. *urtik*, чем из фин. *urtti*.

Хака, бол., ур. (Пин.) ~ кар. *haka* ‘огороженный выгон; пастбище’, фин. *haka* ‘огороженное (часто живой изгородью из молодого лиственного леса) пастбище’ (ММ 26).

Халья I, пок. (Пин.), **Халья II**, пок. (Пин.), **Большая Халья**, пок. (Пин.), **Высокая Халья**, пок. (Пин.), **Степина Халья**, пок. (Пин.), **Харьки**, пок. (Мез.). В апеллятивной лексике *хбля* ‘бугор, возвышенность; островок на болоте’ (В-Т., Пин.) ~ кар. *harja, harju* ‘вершина, гребень (горы); холм, гора; песчаная отмель’, ливв. *harju* ‘возвышение, верхушка чего-либо (напр., горы, борозды)’, фин. *harja* ‘вершина, гребень горы’, *harju* ‘песчаная отмель, низкий горный кряж’ (ММ 27). Для топонима **Харьки** следует восстанавливать исходное ***Харь** + уменьшительный суффикс -к-. В топониме и апеллятиве **Халья**, *халья* переход $r > л$ мог произойти еще на почве языка-субстрата, ср. колебание r/l в фин.

patero/patelo (ММ 70), *kukkula/kukkura* (ММ 45), либо на русской почве, ср. *ня'лега/ня'рега* 'ряска на поверхности воды'.

Хамбыс, мыс (Баб.) ~ люд. *hambas*, вепс. *hambaz* 'острый выступ; зубец, изгиб' (ММ 27).

Хорь, лесоучасток (Гряз.), пок. (Кад.), хут. (Чаг.), **Хорек**, гора (К-Г.), **Хори**, лесоучасток (Череп.), пок. (Кад.), **Хорики**, бол. (Тот.), **Хорьки**, лесоучасток (Нюкс.), ср. также в Костромской области: **Хорь**, о.; **Хорьки**, о.; **Хорьи**, пок. В русской диалектной лексике *хорь* 'мыс на реке' (Череп.), 'ягодник, сенокос, поляна' (Бабуш., Бел.), *хорьки* 'плавающие острова' (Бел.), 'кочки' (Тарн.), в костромских говорах *хорь* 'песчаный островок на реке'. М. ФАСМЕР вслед за Я. КАЛИМОЙ возводит севернорусское *хорь* 'островок на реке, мель' к фин. *kari* 'морской утес, песчаная мель', кар. *kari* 'перекат, куча камней, риф', эст. *kari* 'риф, утес' (ФАСМЕР IV, 270). На наш взгляд, семантика апеллятивного заимствования и объектная отнесенность топонимов лучше объясняются из того же источника, что и рус. **Халья**, *халья* – кар. *harja, harju*, ливв. *harju*, фин. *harja, harju* (см. выше). Фонетически подобное сопоставление также представляется более обоснованным. Во-первых, не возникает вопроса о расхождении начальных согласных (прибалтийско-финского *k*- и русского *х*-). Во вторых, ареал распространения **Хорь**, *хорь* и производных укладывается в зону, выделенную А. К. МАТВЕЕВЫМ для соответствия прибалтийско-финского *a* русскому *o* (юго-запад региона), в то время как лексемы **Халья**, *халья* фиксируются только в Пинежском и Верхнетоемском районах Архангельской области, **Харьки** — в Мезенском (северо-восток), где обычно соответствие прибалтийско-финского *a* русскому *a* (МАТВЕЕВ 1968: 125; КАЛИМА 46–47). Таким образом, **Халья**, *халья* и **Хорь**, *хорь* в лексике и субстратной топонимии Русского Севера являются рефлексами вариантов одной и той же лексемы, заимствованной в разное время из разных родственных прибалтийско-финских языков.

Чарка, пок. (В-Т.) ~ кар. *čärkkä*, ливв. *čärkkü* 'крутой берег (реки); холм, гора, кряж' (ММ 93).

Чирак (**Чирок**, **Чирог**), о. на оз. Ярбозеро, о. на оз. Унженское, о. на оз. Дружинское (Вашк.), **Чирак**, пок. (Выт.). В апеллятивной лексике *чърок* 'песчаная отмель на озере', *чирь* 'островок леса посреди поля' (Баб.) ~ вепс. *čirak* 'мель, гряда на озере' (СВЯ 59). Перенос термина на название покоса в Вытегорском районе связан с достаточно распространенным переходом 'остров' > 'выделяющийся участок местности'. Тот же переход отражен и в апеллятиве *чирь*.

Чумбуха, поляна (Нянд.) ~ вепс. *čumb* ‘угол, тупик’ (СВЯ 65). Название осложнено топонимизирующим суффиксом -ух-, частотным в номинации покосов, полей, полян.

Чурга (Чурьга), гора, поле (Выт.), **Чурга**, пок. (Вашк.). Прямого соответствия этим топонимам в прибалтийско-финских языках нет, ср., однако, вепс. *čurg* ‘угол в доме’ (СВЯ 66), которое указывает на потенциальное значение ‘гора’, вероятно, существовавшее в языке-субстрате. Реконструкцию этимона в виде **čurg* ‘гора’ подтверждает зафиксированное в русской диалектной лексике *чурга* ‘холм, небольшая гора’ (Шенк.), а также тот факт, что в Вашкинском районе покос **Чурга** находится рядом с д. Гора, название которой является, скорее всего, метонимической калькой.

Чуры, поле (Выт.) ~ кар. *čura*, ливв. *čura*, *čuro*, люд. *čura*, вепс. *čura* ‘край, сторона, направление; местность; конец, бок’ (ММ 24).

Юк, порог на р. Икса (Плес.) ~ фин. *juka* ‘водопад’, ‘некрутой (пологий), весь в пене порог’ (ММ 32).

Юм, бол. (Холм.), **Юма**, поле, пок. (Вил.), **Юмо**, пок. (Вин.) ~ кар., ливв. *juuta* ‘глубокое место в реке или озере; фарватер, углубление’, фин. *juota*, *uota* ‘самое глубокое место, русло реки’, а также кар., ливв. *juoti*, фин. *juota*, *uota* ‘полоса, щель, расселина; борозда, колея, промоина’ (ММ 32). С точки зрения семантики, объектную отнесенность топонимов лучше всего объясняет значение ‘борозда, колея, промоина’.

Отдельного рассмотрения заслуживают топонимы, восходящие к прибалтийско-финским терминам-композициям. Выявление таких названий в субстратной топонимии Русского Севера особенно важно для разграничения сложных топонимов, включающих в себя основу и формант, и подобных им географических терминов в самостоятельном употреблении. Изучение терминов-композиций осложняется неполнотой имеющихся в нашем распоряжении источников по прибалтийско-финским языкам, в которых приводятся далеко не все сложные лексемы и это оговаривается в предисловиях к словарям. По этой причине, приводимый ниже список топонимов не является исчерпывающим и может быть существенно дополнен.

Алома, бол., пок, тоня (Нянд.) ~ фин. *alataa* ‘низина’ (ФРС 28), которое < фин. *ala-* ‘нижний’ (ФРС 27) и *maa* ‘земля, местность, суша; страна, край, сторона’ (ФРС 353).

Витимец, пок., д. (Баб.), ур., заводь (Чаг.) ~ ливв. *viidumečšü* ‘мелкий, но густой ельник’ (СКЯ 431) < *viidu* ‘мелкий густой ельник; чаша’ (СКЯ 431), *теčšü* ‘лес’ (СКЯ 203). По-видимому, подобные приведенному карельскому слову сложные лексемы есть и в других прибалтийско-финских языках, однако в доступных нам источниках они не зафиксированы. По крайней мере, глухое *-m-* в русском топониме указывает на иной источник заимствования, нежели ливвиковский диалект карельского языка.

Илем, лог (К-Г.), **Илема**, лог (К-Г.), р. (Пин.), **Илемо**, лог (Вашк.), **Илемец**, пок. (В-Т.), **Илемское**, поле (В-Т.) ~ фин. *ylämaa* ‘подъем в гору’, ‘возвышенность, нагорье’ (ФРС 783), восходящему к фин. *ylä-* ‘верхний, высший’ (ФРС 783) и *maa* ‘земля, суша’, ‘страна, край, сторона’ (ФРС 353). О соответствии финского *ylä-* русскому **Ил-** см. подробнее в (МАТВЕЕВ 2001: 85–86). То, что термин встречается в топонимии Русского Севера преимущественно в качестве названия логов неудивительно, поскольку лог — это место между двумя крутыми возвышенностями и название первоначально могло относиться ко всей местности в целом.

Кивинит, пок. (Баб.) ~ ливв. *kiviniittü* ‘луг, усеянный камнями’ (СКЯ 145). Параллельное название покоса — **Каменная Пожня** — является буквальным аналогом прибалтийско-финского оригинала.

Маселга, высокое сухое место в лесу, горы (Плес.), **Маселга (Масельга)**, д. (Карг.), **Масельга**, пок. (Выт.), поле (Он.) ~ кар. *toanselgä*, ливв. *toanselgü*, *tuanselgü* ‘хребет, водораздел’, фин. *taanselkä* ‘горный хребет, гряда холмов, служащая водоразделом водных систем’ (ММ 60), фин. *taaselkä* ‘возвышенность’ (КАЛИМА 163). Эта сложная лексема < кар. *toa*, *tua*, фин. *maa* ‘земля, почва; край, местность; поле’ (ММ 60) и кар. *selgä*, ливв. *selgü* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’, фин. *selkä* ‘кряж, хребет, горная гряда’ (ММ 86).

Палома, пок. (Нянд.) ~ ливв. *palomua* ‘пал’ (СКЯ 254), которое < ливв. *palo* ‘пал, пожар, сожженная подсека’ (СКЯ 254) и *tua* ‘земля, почва; земля, поле, участок’ (СКЯ 209).

Самалсы, пок. (Карг.) ~ ливв., фин. *sammalsuo* ‘моховое болото’ (СКЯ 325; ФРС 547), которое < ливв., фин. *sammal* ‘мох’ (СКЯ 325; ФРС 547) и *suo* ‘болото’ (СКЯ 350; ФРС 593). Изменение финали слова — результат русской адаптации: географические термины в топонимии довольно часто встречаются в форме множественного числа, и в данном случае *-ы* является показателем множественности.

Чурома, д. (Бел.), **Чурома (Чуромы)**, поле (Выт.) ~ вепс. *čuruita*, ливв. *čuruitua* ‘песчаная почва’ (СВЯ 66; СКЯ 40), которые < вепс. *čuri*

‘дресва’, ливв. *šuwri* ‘гравий, крупный песок, дресва’ (СВЯ 66; СКЯ 40) и вепс. *ta*, ливв. *tua* ‘земля, почва; земля, поле, участок’ (СВЯ 313; СКЯ 209). Употребление термина в топонимии Русского Севера в самостоятельном употреблении, говорит о том, что в значении слова заложена не только семантика качества, но и семантика места, т.е. может быть реконструировано значение ‘место с песчаной почвой’.

В целом рассмотренные соответствия позволяют говорить о том, что субстратные топонимы и русские диалектные лексемы, имеющие своим источником прибалтийско-финские географические термины, фиксируются, за редким исключением, в западных, северо-западных, северных и центральных областях Русского Севера, т. е. находятся в зоне распространения прибалтийско-финских топонимических типов.

С точки зрения морфологии, обращает на себя внимание частотное для терминов бытование в формах множественного числа, особенно в тех случаях, когда семантика исходного апеллятива расходится с объектной отнесенностью топонима. Для русского языка плюрализация — один из наиболее отработанных способов топонимического употребления географического термина. Этот факт позволяет предполагать, что многие прибалтийско-финские термины, положенные в основу топонимов и не зафиксированные в русской диалектной лексике, были ранее известны русским диалектам и первоначально были заимствованы как апеллятивы.

Фонетический облик заимствований указывает на неоднородность происхождения, возможность возникновения фонетически близких топонимов и лексем из различных источников.

Литература

- ГФЯ = *Грамматика финского языка*. Москва–Ленинград, 1958.
- ММ = МАМОНТОВА, Н. Н.—МУЛЛОНЕН, И. И. *Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии*. Петрозаводск, 1991.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1968) *Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера* // *Советское финно-угроведение* 1968/2: 121–126.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1973) *Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования* // *Этимология* 1971. Москва, 1973. 332–335.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1975) *К вопросу об отражении перехода *š > h в субстратной топонимике Русского Севера* // *Congressus tertius*

- internationalis fenno-ugristarum*. Tallinae habitus. 17–23 VIII. 1970. Pars I. Acta Linguistica. 121–126.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1977) *Топонимические этимологии. X // Советское финно-угроведение 1977/3*: 125–126.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2001) *Субстратная топонимия Русского Севера*. Екатеринбург, 2001.
- СВЯ = ЗАЙЦЕВА, М. И.—МУЛЛОНЕН, М. И. *Словарь венского языка*. Ленинград, 1972.
- СКЯ = *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*. Сост. Г. Н. МАКАРОВ. Петрозаводск, 1990.
- ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1964–1973.
- ФРС = *Финско-русский словарь*. Сост. ВАХРОС, И.—Щербаков, А.. Таллин, 1998.
- KALIMA J. (1919) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. MSFOu. XLIV. Helsinki.
- SKES = *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki, 1958–1981.

Сокращения

1. Административные районы Архангельской области

Вель.	–	Вельский
В-Т.	–	Верхне-Тоемский
Вил.	–	Вилегодский
Вин.	–	Виноградовский
Карг.	–	Каргопольский
Кон.	–	Коношский
Котл.	–	Котласский
К-Б.	–	Красноборский
Лен.	–	Ленский
Леш.	–	Лешуконский
Мез.	–	Мезенский
Нянд.	–	Няндомский
Он.	–	Онежский
Пин.	–	Пинежский
Плес.	–	Плесецкий
Прим.	–	Приморский
Уст.	–	Устьянский
Холм.	–	Холмогорский
Шенк.	–	Шенкурский

2. Административные районы Вологодской области

Баб.	–	Бабаевский
Бабуш.	–	Бабушкинский
Бел.	–	Белозерский
Вашк.	–	Вашкинский
Выт.	–	Вытегорский
Гряз.	–	Грязовецкий
Кад.	–	Кадуйский
Кир.	–	Кирилловский
К-Г.	–	Кичменгско-Городецкий
Нюкс.	–	Нюксенский
Сок.	–	Сокольский
Тарн.	–	Тарногский
Тот.	–	Тотемский
Устюж.	–	Устюженский
Чаг.	–	Чагодощенский
Череп.	–	Череповецкий

3. В обозначениях географических объектов

бол.	–	болото
д.	–	деревня
н. п.	–	населенный пункт
о.	–	остров
оз.	–	озеро
пок.	–	покос
пос.	–	поселок
р.	–	река
руч.	–	ручей
ур.	–	урочище

4. В названиях языков и диалектов

вепс.	–	вепсский язык
ливв.	–	ливвиковский диалект карельского языка
люд.	–	людиковский диалект карельского языка
кар.	–	собственно карельский диалект карельского языка
рус.	–	русский язык
саам.	–	саамский язык
фин.	–	финский язык
эст.	–	эстонский язык

5. Прочие

ТЭ – Топонимическая экспедиция Уральского
университета